

Валериан Муравьев. — Владение временем. Москва 1924. Издание автора. Стр. 127.

Блаж. Августинъ въ свое время бросилъ знаменитое изреченіе, ярко и выпукло выражающее загадку времени: *si nemo a me quaerat, scio, si quaerenti explicari velim, nescio*, (если меня никто не спрашиваетъ—знаю, если пожелаю объяснить вопрошающему — не знаю). Этимъ афоризмомъ показывается недоступность понятія времени абстрактно-отвлеченному опредѣленію. Средніе вѣка съ ихъ мощнымъ духомъ символическаго реализма поняли объективность времени и его тѣсную связь съ движеніемъ и упорядочиваніемъ. (*Tempus est numerus motus secundum prius et posterius*, согласно опредѣленію Фомы Аквината).

Книга Валериана Муравьева есть именно такое возстановленіе объективнаго значенія времени въ связи съ идеей упорядоченнаго множества, чѣмъ неожиданно, быть можетъ, для самого автора, но въ полномъ согласіи съ духомъ переживаемой эпохи, возстанавливается великая средневѣковая идея объ объективно-упорядочивающемъ значеніи времени. Естественно при этомъ, что его концепція времени считается съ тѣмъ, что гениальный Фехнеръ назвалъ «ученіемъ о коллективномъ предметѣ» (*Kollektivgegenstandslehre*) и вообще съ новѣйшимъ ученіемъ о множествахъ и ихъ «неколичественной математикой». Но къ этому присоединяются еще двѣ идеи, возникшія на почвѣ русской философіи и составляющія ее достояніе: Федоровская идея соборной регуляціи міровой жизни и воскресенія мертвыхъ и возникшая на почвѣ мистическо-аскетическаго опыта идея имяславства, представляющая своеобразное явленіе онтологическаго реализма. «Жизнь — это печать имени надъ бездною» (стр. 109), такъ грандіозно и совершенно вѣрно опредѣляетъ міровую загадку В. Муравьевъ. Въ связи съ вдохновляющей его идеей т. ск. космическаго прогматизма само время обрѣтаетъ у него два аспекта: «время подчиняющее» (смерть) — результатъ дезорганизации, разброда, дурного индивидуализма, и «время подчиненное» (жизнь) — результатъ организации, согласованія, хорошаго коллективизма. Великая жажда жизни, лишенная какихъ бы то ни было признаковъ того, что можно было бы назвать «дурнымъ эпикурей-

ствомъ», утвержденіе бытія, воля къ преодолѣнію «времени подчиняющаго», къ овладѣнію жизнью и значить къ побѣдѣ надъ смертью руководить авторомъ. Правда, и онъ не опредѣляетъ времени. Но въ его концепціи это отказывается ненужнымъ, ибо онъ очень хорошо показываетъ подлежащее утвержденію въ томъ, что зовется временемъ, и подлежащее въ немъ преодоленіе и отрицанію. Бѣглое перелистываніе и невнимательное чтеніе этой книги способно возбудить подозрѣніе и даже отвращеніе. Въ ней много совѣтско-коммунистическаго прожектерства, пустого и претенціознаго, много нео-гуманистической словесности (стр. 101-103) — хотя и тутъ звучитъ, сквозя старую шарманку утопическаго мечтательства, грандіозная подлинная музыка будущаго.

Достоинство этой книги то, что она «съ голосомъ» — и притомъ весьма и весьма громкимъ и грознымъ. Она напоминаетъ намъ о томъ, что есть «имя жизни». И это имя должно быть именовано, чтобы жизнь жила, а смерть умерла. Для исповѣдывающихъ Слово, пришедшее во плоти преодолевшее время и овладѣвшее имъ, — сомнѣній нѣтъ въ томъ, что только Его имя должно быть исповѣдано. Но новое время и его задачи властно требуетъ и соответствующихъ формъ этого исповѣданія.

В. Н. Ильинъ.

Л. П. Карсавин. — Церковь, личность и государство. Евразійское книгоиздательство. Париж — 1927. Стр. 30.

Богатое и духовно-питательное содержаніе этой болѣе, чѣмъ скромной по размѣрамъ, книжечки есть въ сущности своеобразный творческій итогъ многолѣтней богословско-философской работы ея автора. Тѣ, кто знакомъ съ трудами Л. П. Карсавина, легко узнаютъ въ ней мысли развитыя въ «Философіи исторіи», въ «Урокахъ отрѣшенной вѣры», въ статьѣ «О добрѣ и злѣ» и др. Въ послѣднее время авторъ этихъ трудовъ сосредоточился на социальномъ-правовыхъ и государственно-политическихъ вопросахъ, трактуя которые онъ прилагаетъ результаты, добытые предыдущими изслѣдованіями.

Такимъ приложеніемъ богословско-философскихъ умозрѣній является и настоящая брошюра. Непроста въ самомъ ея заглавіи терминъ «личность» поставленъ посрединѣ между церковью и государст-

вомъ. Личность дѣйствительно занимаетъ центральное положеніе, ибо, по мнѣнію Л. П. Карсавина, съ которымъ мы вполне согласны, «для христіанства личность (Ипостась) не есть что-то тварное и человѣческое, но — начало Божественное и само Божество. Личность или Ипостась Иисуса Христа не есть Его человѣческая личность, но — Второе Лицо Пресвятой Троицы» (стр. 6).

Этимъ самымъ понятіе личности дѣлается посредствующимъ, связующимъ звеномъ между церковью — симфонической личностью Тѣла Христова, и государствомъ, которое, состоя изъ эмпирическаго грѣховнаго коллектива, является только «матеріаломъ» для Церкви, въ мѣру своего единенія со Христомъ и во Христѣ, свободно становящимся Церковью такъ что «развивается» собственно не Церковь, а церковный матеріалъ. Церковь такимъ образомъ является какъ бы послѣднею идеальною цѣлью государства, отъ которой его отдѣляетъ эмпирическая грѣховность. Изъ этого построенія естественно вытекаетъ и соответствующее отношеніе къ войнѣ и смертной казни, какъ къ естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіямъ этой грѣховности и именно въ силу ея. Государство, оставаясь только собою, безъ грѣха обойтись не можетъ, а, если бездѣйствуетъ, то впадаетъ въ худшій грѣхъ самоубійства. Оно не можетъ не ловить и не наказывать преступниковъ, не можетъ не обороняться, когда на него нападаютъ, не можетъ пренебречь заботою о своихъ границахъ» (стр. 12). «Однако это не абсолютная необходимость... это «злая необходимость грѣшнаго бытія» (стр. 12). Необходимость эта преодолевается «лишь въ томъ случаѣ, если государство возвышается надъ своимъ эмпирическимъ бытіемъ, что вовсе не дѣлается путемъ «прекрасныхъ словъ» и отнюдь не совпадаетъ съ умываніемъ рукъ въ видѣ проповѣди всеобщаго «непротивленія злу силою» (стр. 13). Но еще большимъ зломъ, чѣмъ это «прекраснодушіе», являются тѣ чудовищные результаты, къ которымъ приходятъ «философствующіе кощунны», когда они «смѣшиваютъ эмпирическую грѣховную необходимость съ абсолютной необходимостью и даже съ волею Божіею» (стр. 14). и считаютъ напр. смертную казнь выраженіемъ этой воли.

Если довести до естественнаго завершенія богатую и подлинно благочестивую мысль Л. П. Карсавина, то придется признать, что, какъ преступникъ терзающій жертву,

такъ и палачъ, терзающій преступника, — оба являются въ одинаковой степени выраженіемъ зла, терзаніемъ и пригвожденіемъ тѣла Христова, надругательствомъ надъ Его Божественной Личностью, полнымъ расцерковленіемъ и ниспаденіемъ въ злую, матеріалистическую духовность — хотя бы это и дѣлалось во имя какой-нибудь «идеалистической» системы. Ибо государство, какъ область срединная, имѣетъ два предѣла: верхній — Церковь, — свѣтлый положительный идеалъ; и нижній — темная бездна «звѣря», царство котораго «мрачно», а обигатели «кусаютъ языки свои отъ страданія». (Откр. 16, 10).

Въ нашей волѣ избрать тотъ или другой предѣлъ. Это всегда надо помнить, особенно въ наше время, когда, исходя отъ жалкихъ, бѣлыми нитками шитыхъ, софизмовъ пытаются утверждать царство одного звѣря противъ царства другого, и забываютъ что это лишь разныя головы одного и того же выходца изъ преисподней.

В. Н. Ильинъ.

Fr. W. Foerster. Religion und character bildung. — Rotapfel—Verlag. Zurich und Leipzig. 1925. 464 стр.

Извѣстный педагогъ Ф. В. Ферстеръ, авторъ превосходной книги «Школа и характеръ», имѣющей въ русскомъ переводѣ, издалъ недавно новый свой трудъ «Religion und Charakterbildung». Въ этой книгѣ онъ задается цѣлью показать, что воспитаніе цѣльнаго возвышеннаго характера можетъ быть осуществлено не иначе, какъ на религіозной основѣ, и именно на основѣ христіанской религіи. Книга замѣчательна особенно потому, что авторъ ея, по собственнымъ его словамъ, былъ раньше «свободомыслящимъ», находился внѣ религіи и принадлежалъ къ числу людей, которые считаютъ необходимымъ отдѣленіе школы отъ религіи и проповѣдуютъ мораль, независимую отъ религіи. Повидимому, Ферстеръ прошелъ черезъ тотъ духовный опытъ, который такъ знакомъ современной русской интеллигенціи, который заставилъ многихъ представителей ея покинуть «научное» безрелигіозное міровоззрѣніе и сознательное вернуться къ Церкви.

Свою книгу Ферстеръ написалъ, опираясь не только на отвлеченныя соображенія, но и на богатый педагогическій опытъ, свой личный, а также французскихъ, англ.,